

Елена Михеева

ZERO BOOK

Двое из
ANIMAL ДЖАЗ

—
от первых детских
воспоминаний
до создания
ZERO PEOPLE

Содержит
лексику! 18+

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Елена Валерьевна Михеева
Zero book. Двое из Animal
ДжаZ – от первых детских
воспоминаний до создания Zero
Серия «Герои поколения:
истории звезд русского рока»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69879112

*Zero book. Двое из Animal ДжаZ – от первых детских воспоминаний до
создания Zero People / Елена Михеева: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-194619-7*

Аннотация

Александр Красовицкий и Александр Заранкин проходятся по своим жизням от ранних воспоминаний до момента первого совместного выступления. Это самое глубокое публичное погружение в детство, в котором переплетаются максимально значимые и просто забавные эпизоды биографий, впервые публикуются фотографии из семейных альбомов. Рассказ всегда идёт от первого лица, но не всегда следует стройной хронологии – это больше дружеский разговор, чем летопись. Здесь же своими историями делятся и ближайшие родственники ребят, не только

наблюдавшие за процессом их взросления, но и бывшие его непосредственными участниками.

Содержание

От автора	10
До Zero People	13
Саша Красовицкий	14
Самый главный стресс	14
«Не знаю, почему у меня все песни не про рыбу»	16
6000 книг и избиение в детском садике	19
«Ну что, это Куц?»	23
Слёзы Арбениной, ослик Мафин и утёнок	26
Тим	
Начало одиночества, школа и борьба	30
Куры-дуры, детский труд и бананы для игры в салки	35
Побег от реальности и стыдное дело	39
Настольный хоккей и стратегия в тетрадке	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Михеева
Zero book. Двое из
Animal ДжаZ – от первых
детских воспоминаний
до создания Zero People

В книге и на обложке использованы фотографии *Анны Ульяновой, Алены Лазарь* и из личного архива авторов.

Автор текста – *Елена Михеева*

Отдельная благодарность Лане Заранкиной за помощь в подготовке книги.

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© А. Заранкин, текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

От автора

Начать с начала – самый, казалось бы, простой и очевидный ход. Особенно когда речь идёт о группе с названием Zero People, где и так в основе всего лежит ноль. Но даже тут есть выбор, на какое именно zero делать ставку. Мы, подумав, решили взять за точку отсчёта не жаркое лето 2010-го, когда стали появляться первые песни, а персональные истории двух творческих единиц, каждая из которых начинала со своего уникального нуля.

Что в «дано»? Мальчишки, родившиеся с разницей в пятнадцать лет в Магнитогорске и Москве. Почти всё детство и юность одного прошли в Магадане и посёлке, расположенном в получасе езды от него, другого – в столице и на подмосковной даче. Это два совсем-совсем разных старта биографий – от вовлечённости отцов в воспитание сыновей до путей, приведших каждого из Александров на сцену, которую они теперь делят ровно пополам.

Наверное, каждый, кто вырос в доцифровую эпоху, понимает, что такое зарытые в землю «секретики». Так вот, всю первую половину книги мы с ребятами как будто находим те сокровища, что они когда-то закопали, и с трепетом заглядываем под разноцветные стёклышки. Видим там гусиные перья, человечков, сделанных из стирательных резинок, бадминтонные воланчики, шайбы от настольного хоккея...

А ещё под слоем лет спрятаны слёзы и трясущиеся колени, провалы и триумфы, маленькие радости и большие обиды. Их нельзя потрогать руками, но так легко почувствовать. Проследить, как какие-то из воспоминаний всё ещё греют и подпитывают, в то время как другие – и по сей день тяжёлая ноша. Увидеть, как в любом из них может прятаться вдохновение...

Вторая половина книги – уже о совместном творчестве. В каком-то смысле создание сайд-проекта тоже было возвращением в детство, но уже в музыкальное. Несмотря на внушительный опыт сочинительства в рамках Animal ДжаZ, в Zero People ребята учились придумывать песни по-другому и заново. И спираль жизни тут как будто действительно пошла на новый виток. Когда-то маленькому Саше Заранкину занятия музыкой не доставляли никакого удовольствия и регулярно сопровождались слезами. Для успешного повзрослеть клавишника первые годы существования Zero People внезапно обернулись примерно тем же. Из-за огромного количества электроники, совладать с которой было не так-то просто, он снова страдал и даже плакал, только уже на репетиционной точке и наедине с собой. Настоящее удовольствие от создаваемой музыки оба участника коллектива начали получать лишь тогда, когда сами же приняли решение, что звучать должны только клавиши и голос.

Мы собрали под этим переплётом истории всех песен и альбомов, вышедших за первое десятилетие существования

Zero People. Какие-то из них были многократно рассказаны публично, в том числе и со сцены, какие-то – не звучали никогда и нигде и станут откровением даже для самых близких.

До Zero People

Главные герои предстают перед нами уязвимыми мальчишками, которым только предстоит набить свои первые шишки в этой жизни. Один в пять лет ловит в речке рыбу голыми руками, другой – уже сочиняет музыку для балета. И ещё много-много всего успеет произойти до того, как они встретятся и напишут вместе первую песню...

Саша Красовицкий

Самый главный стресс

Мы жили под Магаданом, отец был главным редактором газеты – элита посёлка. Естественно, имел доступ куда угодно. И вот однажды, когда мне было лет шесть, он зачем-то взял меня с собой на рыболовецкий траулер, и это был самый главный стресс в моей жизни.

Наш посёлок назывался Ола, что, по одной из версий, как раз и означает «рыба» по-чукотски. Одноимённая река впадает там в Охотское море, и главная промышленная история тех мест – рыбозавод. Отец, видимо, хотел какой-то репортаж сделать о жизни рыбаков. Я же представлял себе, что увижу какую-то баржу. А там была лодка размером с комнату – как будто увеличенная шлюпка, но с мотором. На меня только сапоги надели резиновые. Жилеты – такого понятия не было. Когда плыли, было весело – кругом вода.

Самое интересное началось, когда мы прибыли к нужному месту. Четверо или пятеро мужиков встали на один край этой большой лодки и по такой зычной команде начали тащить все вместе тяжеленные рыболовецкие сети. При этом лодка сильно накренилась, а я сидел сзади, где мотор, один. Отец в это время, видимо, был на носу, потому что рядом

его точно не было.

Я вцепился руками в корму, а лодка накренилась самым бортом к воде, встав едва ли не вертикально. С каждым рывком этой сети на себя она ещё и чуть-чуть зачерпывала воду. У меня началась истерика, я стал тупо орать: «ААААА!» Было страшно. Плюс это всё сопровождалось унижением, когда рыбаки стали говорить: «Э, ты не мужик, что ли? Что у тебя за сын такой? Зачем ты его взял? Это что за размазня? Медуза какая-то...» То, что моему отцу за меня впихивают, было просто катастрофой. При этом я уже не мог остановиться – мне было плевать.

И вот это «плевать» во время истерики со мной по жизни идёт: когда у меня начинается какое-то такое состояние, мне реально плевать на то, как я выгляжу, что там говорят... Может, это с того момента и пошло? А может, просто особенность характера, которая тогда проявилась впервые. Это был стресс мощнейший. Не исключаю, что из-за этого у меня теперь с водой такие странные отношения. Меня к ней тянет и одновременно я её ненавижу.

Потом на берегу был ещё второй стресс. Я не помню уже, как мы доплыли, но, когда рыбаки начали выгружать эту рыбу и она лежала, хватая воздух ртом и умирая, – это был просто капец. Я стал швырять её обратно в воду. Один мужик подошёл, просто взял меня за плечо и гаркнул: «Иди отсюда!» С тех пор я не могу смотреть, как рыбу ловят, не понимаю этого. Представляю себе момент проникновения крюч-

ка вовнутрь, как ужасно само это ощущение, а потом она ещё и умирает медленно...

«Не знаю, почему у меня все песни не про рыбу»

Есть ещё более раннее воспоминание, как мы сами рыбу ловили. В верховьях реки Олы нерестилась то ли кета, то ли горбуша – какая-то из красных рыб северных. Она шла из Охотского моря до какого-то места, чтобы там отложить икру. И где-то году в 1977-м был период, когда река состояла только из спин рыб, которые лезли вверх по течению, перепрыгивая друг через друга, и лишь между ними как-то плескалась вода. Как будто в ванну накидали килограммов сто рыбы и она пытается найти там место.

Мы просто в сапогах резиновых заходили с пацанами в воду, хватали любую рыбку, которая нам понравилась, швыряли на берег и смотрели: есть икра или нет. Если есть, то брали домой. Это было, видимо, до той истории с выходом в море, потому что после я уже точно не мог смотреть, как рыба на берегу валяется.

Река Ола. Сваи от того самого моста, под которым я когда-то ловил руками рыбу, 2022 год

Вообще, это было запрещено, но кто там особо будет следить за пацанами? Ты просто берёшь домой десять больших рыбин сантиметров пятьдесят длиной, а в них ещё икры... Мама ругалась:

- Опять ты рыбу притащил?! Что с ней делать теперь?
- Можно засолить, там икра...
- Да кому нужна эта икра?!

Юлия Ивановна, мама Саши: Была история такая на

севере. Рыба на нерест идёт по реке спина к спине, с моста смотришь – просто тьма этой рыбы. А у нас ещё по полтора рубля продавали её на улице – выбирай любую: хочешь – с икрой, хочешь – без икры. Мы бочками солили рыбу и трёхлитровыми банками – икру. И когда ты её постоянно разделяешь, а ещё ведь и работаешь, то это вот так надоела! Я уже даже не помню, как он рыбу домой приносил, потому что мы икрой были завалены просто. Рыба эта мне там настолько надоела, что я её терпеть не могу с тех пор.

Однажды, придя домой, я увидел треть ванны красной икры – это отцу кто-то за что-то напечатанное в газете подарил, наверное, – элита была, я ж говорю... Мама потом её во дворе развешивала в марлевых мешочках – сушила или вялила, я не знаю, как это называется. У нас был свой дом в центре посёлка с небольшим огородом. И вот весь он был в верёвках, на которых висела эта икра.

Не знаю, почему у меня все песни не про рыбу.

Юлия Ивановна, мама Саши: Это он немножечко преувеличил, я такого не помню, хотя, может, и было. Муж был очень эрудированный человек. И если из ЦК партии, например, к первому секретарю райкома приезжал народ на рыбалку, на охоту или ещё куда, кто-то должен был их развлекать. Мишу приглашали обязательно. Секретарь райкома говорил: «Михаил Александрович, вы должны с ними поехать туда-то». А потом куда всю эту рыбу девать, которую они наловят? Вот и рассказывали её... Привозил домой,

конечно.

Икру мы солили, промывали её в солёной воде. Потом, чтобы стекло с неё всё, действительно в марлях развешивали. Вот ведь, как ему это запомнилось!

6000 книг и избиение в детском садике

Я был довольно умным и начитанным мальчиком. У моего отца была библиотека на 6000 книг – больше поселковой. У нас дома были все книги Советского Союза, которые только издавались. Магадан тогда вообще был в привилегированном положении в плане снабжения – Колыма, золотые прииски... Поэтому туда и книги присылали такие, которых в Москве было не достать. А отец мой, поскольку один был такой крутой в посёлке, к этим книгам имел первостепенный доступ. Только что-то привезут, новый том из серии ЖЗЛ («Жизнь замечательных людей»), например, – Наполеона какого-нибудь, – он тут же себе его отхватывает. Деньги были.

1 сентября 1979-го, первоклассник

Кобо Абэ и Курта Воннегута я читал, когда мне было лет 12. Просто стоит книжка, смешное имя автора – я беру. Мне отец ничего не советовал, я просто начинал читать, и засасывало. Или не засасывало.

Я помню «Беги, кролик, беги» Джона Апдайка (оригинальное название – «Кролик, беги»/Rabbit, Run. – *Прим. авт.*) – кстати, есть такая песня у Zero People. Она никак не связана с сюжетом книги, но название именно по ней. Когда отец увидел, что я лет в 11 читаю Апдайка, он посмотрел на меня и сказал:

– Ты у меня вундеркинд, что ли?! Нравится?

– Ну, как-то скучно...

– Ничего себе скучно, до сотой страницы дошёл!

Соответственно, я немного выделялся своим интеллектом, особенно на поселковом уровне. И характер у меня был довольно энергичный. Поэтому, думаю, нарывался я только так. Помню, как меня всей группой садика – это детишек десять – начали мочить в снегу. Ну как дети бьют – несерьёзно, но очень унизительно, валяют. Наверное, за что-то конкретное. Не знаю, что я мог сделать. Я вообще не помню ни одного случая, чтобы я что-то натворил, помню только последствия. Я, видимо, не считал себя виноватым ни в чём.

Потом, помню, уже в магаданской школе были всякие эксцессы. При агрессии в мой адрес я никогда не понимал при-

чины. Так до сих пор и не вскрыл этого и, честно говоря, не хочу вскрывать. То есть я понимаю, что на пустом месте не бывает такого, чтобы вся группа садика на тебя ополчилась. Но мне потом не втыкал за это никто из взрослых точно. До родителей наверняка донесли бы, если бы там было что-то серьёзное, а они бы это точно так не оставили. Но ничего не произошло, и я сделал вывод, что, значит, это были какие-то внутренние детские разборки, в которых я, видимо, был не очень адекватен, раз так получал.

Школа в посёлке Ола. Здесь мы с сестрой учились, 2022
год

Дальше у меня с этими же ребятами никаких проблем не было. Мы же все вместе переходили из садика в школу. То есть я не был таким уж хроническим говнюком. Помню, что потом у меня были отличные отношения со всеми в классе. Переехав в Магадан, я периодически возвращался на Олу, потому что у меня там остался единственный друг детства, и я приезжал к нему в гости. И когда мы встречали на улице кого-то из уже бывших моих одноклассников, все реагировали в духе: «Ооо, Саша! Чё как там в Магадане?!» То есть всё было мило весьма.

«Ну что, это Куц?»

Был ещё один странный случай из поселковой истории. Мне было лет семь-восемь, когда я прочитал книжку про великого советского легкоатлета Куца – бегуна на длинные дистанции (5000, 10 000 метров), олимпийского чемпиона. У него была очень сложная судьба – с травмами и прочим.

Помню, предложил Диме Гуляеву, своему приятелю из класса, побегать по площади Ленина. В посёлке Ола вокруг памятника есть такая квадратная дорожка, по которой можно бегать, хотя она асфальтовая и не для этого предназначена.

– Давай, – говорю, – покажу тебе, как бегал великий олимпийский чемпион Куц!

– Кто?

– Куц! В шестидесятых годах. Сейчас увидишь, как он у всех выигрывал! У него был крутой способ, с помощью которого я точно быстрее тебя пробегу!

– А сколько бежим?

– Поскольку он бегал на длинные дистанции, давай кругов десять!

А у Куца была такая манера: он отставал вначале всегда, бежал исключительно в своём ритме, который ему был удобен: на старте медленно, а под конец разгонялся. На финише он гнал, как на стометровке, и делал всех – люди просто офигевали.

Та самая площадь, 2022 год

И вот я решил тоже так побежать. Отстал сперва сильно, намеренно причём. Дима, наверное, думал: «Дурак, что ли?» – я видел только его спину. А когда пришла пора догонять, у меня уже не было сил никаких, естественно. Я специально ждал круга до восьмого, чтобы на последних двух по-куцевски его догнать! Но Куц-то был тренированный спортсмен с определённой «физикой», а я – просто я. Поэтому, естественно, к восьмому кругу я уже бежал, задыхаясь, и в

итоге просто отстал на целый круг. Помню, ржал он надо мной:

– Ну что, это Куц?

– Просто я немножко ошибся.

Вот такая история.

Слёзы Арбениной, ослик Мафин и утёнок Тим

А ещё раньше было то, что уже мама про меня рассказывает, я сам не помню. Хотя ощущения какие-то после её рассказов у меня были, значит, наверное, что-то такое на подкорке осталось.

Мы не сразу осели в посёлке Ола. Родители, как энтузиасты, по призыву партии приехали осваивать Колыму в 1966 или 1967 году из Казахстана – оба после студенческих времён. Через 10 лет в стране начался БАМ, а до этого была Колыма. Она – молодой инженер-строитель, проектировщик. Очень востребованная специальность там, где возводили быстро все эти хрущёвки и прочее. А он – журналист. Это всегда было нужно в Советском Союзе.

Вот они приехали и некоторое время колесили по Магаданской области. Где-то в Сеймчане жили – был там такой город, сейчас, по-моему, нет уже его, в Ягодном, где Диана Арбенина выросла. Когда я ей сказал, что жил в Ягодном (правда, я этого не помню, мне было года два), она разрыда-

лась натурально. Смотрит на меня: «Ты был в Ягодном?!» Она встретила первого в своей жизни человека, который жил в Ягодном. Причём я старше Арбениной, так что, скорее всего, как раз тогда, когда мы уезжали оттуда, она там родилась.

На самом деле, по рассказам Юлии Ивановны, Саша жил в Ягодном, только когда «был в животике». Как раз в тот период сильно заболела его старшая сестра, и семья на некоторое время покинула холодные края. При этом мама Дианы работала в той же газете, в которой трудился тогда Сашин папа, и с очень большой вероятностью они хорошо знали друг друга.

Как раз примерно в тот период родители купили проигрыватель и пластинку «Ослик Мафин и его друзья» – тогда-то я их и задолбал. Я её специально нашёл потом во «ВКонтакте», она у меня даже добавлена в аудиозаписи. Я до сих пор её слушаю и понимаю, что это нереально гениально. Это какая-то сюрреалистическая музыка, вообще не детская, но на детской пластинке звучащая. И вот она меня впечатлила настолько, что я заставлял эту пластинку ставить беспрерывно. Сам-то я этого делать не умел ещё, мне было года два-три, но требовал Мафина постоянно. Жили мы тогда в однокомнатной квартире: я, родители и сестра, которая на шесть лет меня старше. И они все раз по сорок подряд слушали одно и то же – их вечер превращался в ад, но все это терпели. Я говорил: «Мафина!» – и мне ставили пластинку. Знали её вместе со мной всю наизусть. На следующий день повторялось

то же самое. И так я их мучил неделю. Потом была какая-то другая пластинка. Они уже были рады просто сменить её, но следующий винил, конечно, ждало то же самое.

***Юлия Ивановна, мама Саши:** Когда мне дали премию на строительном комбинате, мы решили на неё купить радиомангнитулу, как это тогда называлось. Потом постепенно накопили к ней пластинок, в том числе и детских. И Сашка, конечно, мог крутить их без конца и края. И даже петь, повторять всё, что слышит. А если кто-то другой сбивался с ноты, он обязательно говорил: «Неправильно поёшь!»*

Некоторые из моих детских пластинок сохранились и всё ещё лежат у мамы дома

Ирина, сестра Саши: Не знаю, как насчёт «Ослика Мафина», я до сих пор помню пластинку «Этот знаменитый утёнок Тим!» – вот её он точно заездил просто!

Слух у меня уже года в два-три прорезался. Когда появился бобинный магнитофон, родители записали, как я пою. Я потом это слушал – в принципе, всё правильно. Для трёх лет вообще идеально. Но характер уже на той записи слышен. Я там пою песню: «Я пеку-пеку-пеку деткам всем по пирожку, а для МИЛОЙ МАМОЧКИ ИСПЕКУ ДВА ПРЯНИЧКА» (в другой совсем тональности, едва ли не сквозь сжатые зубы. – *Прим. авт.*). И мама говорит, что в этот момент я на неё так хитро смотрел, типа подкальывал. Они вообще офигевали от меня в этом смысле. Я уже тогда был с каким-то своим юмором. Это вот самое раннее, что вообще про меня можно вспомнить.

Начало одиночества, школа и борьба

Вообще, детство у меня разделилось на две части. Первая – поселковая. А потом отца перевели директором типографии в Магадан, и мы переехали – это вторая часть. Чёткий водораздел. Мне тогда было лет 11. До этого возраста у меня

было настоящее детство, как принято считать, с какими-то нормальными мальчиковыми забавами: на велосипедах катались с пацанами, на речку ходили... У меня были друзья, хорошая атмосфера в классе. Когда мы переехали в Магадан, отрезало всё. После этого началось одиночество и больше уже никогда не закончилось.

Я всегда был беспокойным ребёнком, но при этом не искал приключений на задницу. То есть речь не шла о том, чтобы потусить за гаражами, побухать, покурить с кем-то... Для меня это всегда выражалось в какой-то внутренней агрессии к самому себе, а не вовне. Лет с 15 я себя уже более-менее помню и могу сказать, что в магаданской школе мне периодически прилетало.

Магаданская школа № 27 (теперь – Эколого-биологический лицей) и я через 33 года после выпускного

Школа № 27 города Магадана была абсолютно новая, её только построили, мы были первыми, кто туда зашёл. И там был молодой состав преподавателей. Директору было 35, а нашей классной руководительнице, по-моему, 21. То есть они были все чуть ли не выпускники. И там учителя не рулили, всё как-то само рулилось. Это был предперестроечный период – 1985–86 годы. Что-то витало такое в воздухе: всё загнивает, уже никто ни во что не верит, никто ничем не ограничен. Появились первые подпольные ночные дискотеки, где ставили Modern Talking. Может быть, поэтому там были довольно суровые нравы. Хотя ни поножовщины не было, ничего такого. В принципе, нормальный был класс, но отношения сложились достаточно холодные.

Было два момента, совершенно однотипных, случившихся с разницей где-то в год. У меня такие воспоминания: я стою на перемене в школьном коридоре один, ко мне подходит мой одноклассник и просто начинает меня бить. Несколько ударов прилетает мне в лицо, пока я успеваю среагировать. В посёлке я ходил на греко-римскую борьбу, и у меня были какие-то навыки. Я всегда, когда дрался, что случалось нечасто совсем, не столько бил, сколько заламывал. Полагается отступать, а я, наоборот, шёл вперёд и хватал за корпус. Поскольку у меня от природы очень сильная спина,

я без проблем человека практически любого веса отрывал от земли, клал на неё и садился сверху. Вот я, помню, так с этим чуваком и поступил. Он был примерно моей комплекции, поэтому это всё вообще никаких проблем у меня не вызвало. «Чё, – говорю, – охренел?!» И тут же, поскольку это прямо на перемене происходило, какая-то училка подбежала, нас разняли. И больше с этим парнем у меня не было ни конфликта, ничего, ни до, ни после – это я точно помню.

Я пытался выяснить, что это было вообще. Кто-то «через вторые руки» сказал, что он просто хотел доказать, что может мне заехать. Я был отличником. В Магадане я выделялся интеллектом, естественно. При этом я не был главным, никогда не стремился к этому, никогда не пытался играть роль лидера. Прикольнo же такому врезать: он вроде в чём-то своём крутой (всем списывать даёт), а в остальном вроде нет. Ещё я быстро бегал на физкультуре, но был не на первых местах точно. Видимо, у него было желание самоутвердиться. Бить какого-нибудь такого же – неинтересно, бить слабого – тем более. А тут – умника побить. Вот только это оказалось невозможно, потому что умник-то с двойным дном.

Я люблю в себе это двойное дно. Я вообще сознательно так и живу с тех пор. Не из-за этих случаев, а вообще. У меня есть что-то внутри, чего никто не знает, а оно классное. Я уже много раз говорил, что люблю то, что я совершенно не похож на рок-звезду. Хотя для кого-то ею являюсь, я не выгляжу так и не веду себя так. И меня греет это несоот-

ветствие: я-то знаю, кто я такой. Ну попробуй проверить – натолкнёшься на неожиданное препятствие... Этот момент, видимо, и тогда сработал.

Это было где-то в шестом классе, а в седьмом была ещё одна точно такая же история, только пацан был уже помощнее. На перемене просто подошёл ко мне – как под копирку – и начал бить. И ровно то же самое с ним произошло: я его повалил, только уже не смог удержать – ко мне сразу подбежали. У этого я так и не выяснил, почему он решил мне навалить, скорее всего, по той же самой причине.

Потом был ещё и третий случай! Но там было вообще смешно. Парень был ниже всех ростом. То ли таджик, то ли киргиз, который просто не котировался в классе. Была какая-то туса из пацанов, которые на дискотеки ходили, какие-то у них уже даже девицы появились – это где-то девятый класс был. Они ему типа: «Хочешь в нашу тусу, убогий? Вот этого замочи». И я прямо помню, как все нас обступили и наблюдали, что будет, а тот на меня лез с кулаками – вообще атас. Я даже не стал его хватать, просто два раза звезданул – и он отлетел. Тут я уже хотя бы знал подоплёку – это была конкретно такая пацанская история.

Куры-дуры, детский труд и бананы для игры в салки

Как-то летом в посёлке, когда школы не было, я почему-то

устроился работать на птицефабрику, причём за деньги – за какие-то два рубля в месяц. А у меня была обеспеченная семья: отец главный редактор поселковой газеты – это уже о многом говорит, мама – начальник отдела в местном строительном управлении – тоже всё классно. Как я там оказался – не помню. Точно не сам. Мне было лет девять, наверное, максимум. Советский Союз – удивительная штука. Мне кажется, это было в рамках какого-то внеклассного обучения, которое могло продолжаться летом. Что-то типа лагеря – я, правда, в лагере никогда не был, но это точно было от школы.

Что я делал? Я приходил на птицефабрику, брал за одну ногу по две курицы в каждую руку. Их там было минимум тысяч по пять, а моей задачей было перенести их из одного загона в другой. Ты подходишь к краю, перегибаешься через деревянные ограждения, которые как раз по росту девятилетнего мальчика, вниз туда под куриц руки свои засовываешь и хватаешь просто двух попавшихся. А иногда по четыре сразу – по две ноги. Они смешно размахивают свободной лапой, но никто тебя ни клюнуть не пытается, ничего, потому что они дуры, эти куры. И вот ты их тащишь и швыряешь. Они, как кошки, переворачиваются в воздухе и приземляются всегда только на ноги – и бегают уже в новом загоне. Вот, собственно, в этом и была моя функция, и так я какое-то время работал.

Запах куриной фермы я запомнил на всю жизнь. Не скажу, кстати, что он вызывает у меня отвращение, но это мер-

зейшая вонь на самом деле – огромного количества кур и их помёта. Странно, что меня это совершенно не смущало, хотя вообще я брезгливый чувак.

А ещё я пользовался доступом в этот огромный курятник. В другой его части были куры-несушки. Они прямо сидели по клеткам и от каждой вниз спускался такой лоток, по которому периодически на какую-то мягкую подкладку скапывались яйца. У меня, видимо, была своя норма по курам, потому что в какой-то момент я заканчивал работу. Вокруг обычно никого не было, я отправлялся к несушкам и выбирал яйца побольше. Брал те, которые были огромными, клал в карман и нес их домой маме. Мама ругалась:

– Да что такое опять?! Это же воровство, ты не понимаешь, что ли?!

– Почему?

– Не надо этого делать, у нас всё нормально с яйцами!

– Я хочу посмотреть, что там внутри!

– Там два желтка!

– Как два?! Дай посмотрю!

Юлия Ивановна, мама Саши: Я этого совсем не помню, но у нас тогда всех заставляли трудиться. Видать, школьников тоже гоняли на практику. Кому-то же надо было делать эту простую работу. Мы всегда были честными, если он правда яйца таскал, я могла ругать, конечно. У нас было так: не кради, лучшие своё отдадим.

Мне кажется, это длилось пару недель – как студенческие

практики, только для младшего возраста. На заработанные деньги я купил солдатиков в единственном поселковом магазине, в котором был отдел для детей. Красная армия против Белой армии – конные, пулемётчики... Красные были красненькие, белые были чёрненькие. Я получил 2 рубля, а набор солдатиков стоил 20 копеек, допустим. Это начало 80-х – получается, они пользовались бесплатным детским трудом, козлы. Зарплата на севере тогда минимальная была точно уже рублей 120 – эти деньги любая уборщица получала.

Помню, когда мне было лет семь, я приехал с отцом к его тёте, моей двоюродной бабушке, которая жила на Кутузовском проспекте в Москве, была кем-то типа литературного критика. И она торжественно вынесла двоюродному внуку на маленькой тарелочке чайной шесть плоских кружков нарезанного банана. Я немного удивлённо посмотрел на это, сказал спасибо. «Ты что, не любишь бананы? А, ты, наверное, никогда их не пробовал... Это же банан!» Я говорю: «Знаете, мы этими бананами с пацанами в салки играем...»

Дело в том, что в Магадан привозили корейские бананы и корейские же яблоки – большие и вкусные. У нас они огромными гроздьями в магазинах продавались за копейки. Мама покупала эти бананы и просто оставляла в подсобке, где они «доходили», потому что изначально были зелёными. В итоге их там лежало килограммов по десять, у нас они вообще не котиривались. И тут Москва – деликатес, спецраспределители, а у меня вот такое отношение.

Ирина, сестра Саши: Тётя Соня была воспитана с гувернантками, как и все наши бабушки, но так получилось, что конец жизни провела в нищете. У неё пенсия была, по моему, 20 рублей как у жены репрессированного. У них с мужем в своё время отняли квартиру на Арбате, её выселили куда-то, а его посадили. Уже после реабилитации дали однокомнатную квартиру на Кутузовском проспекте, но она была бедная, и наши родители до самой её смерти высылали ей каждый месяц переводы по 20 рублей.

Тётя Соня вращалась в самых высокопоставленных кругах, общалась с маршалом Баграмяном. И даже если она выпекала какой-нибудь «конвертик», то подавала всё обязательно на блюдцах. Волны на её волосах были сделаны специальными прищипочками. Она такая была – вся из себя. И поэтому, когда родители сказали: «Едь в Москву, поступи, будешь жить у бабы Сони», я ответила: «Ни за что!» Поехала в Питер, потому что не представляла, как я с ней уживусь, если у неё там вообще ничего нельзя делать не так.

Побег от реальности и стыдное дело

Были у меня и другие солдатики, с которыми началась своя тема, которая называется «побег от реальности». Не знаю почему, но у меня это присутствовало с детства и осталось до сих пор. Я создал свой собственный мир. Некую страну у меня в квартире, в которой живут те, кого я сам

сделал.

Были такие двухцветные резинки стирательные советские сине-красные. Вот у меня была раса синих и раса красных. Я разрезал резинку ножницами пополам, получался такой маленький параллелепипед два сантиметра высотой. Ещё кайф был в дебильности советской промышленности, которая не могла даже соблюсти размер этих резинок – они все были немножко разные. И мои эти люди из резинок получались тоже немножко разные. Я им делал ручки – продевал через резинку нитку, а на двух её концах были ещё микрорезиночки – получались кулачки такие. Рисовал им морду – в зависимости от того, какую нарисую, такой характер и был. Злую – значит, это будет какой-то враг. У синих обычно были злые, а у красных – добрые. И вот из них я создал себе страну. Довольно основательно подошёл к делу. Периодически придумывал и строил у себя в комнате целые города, играл сам с собой, а потом убирал, когда мама говорила: «Хватит! Что это тут такое?» Какие-то дороги у меня между ними были, по которым якобы ездили машинки...

Я начал это делать лет, наверное, в семь, параллельно читая разные книжки. Помню, после «Урфина Джюса и его деревянных солдат» тут же понял: лица, о, правильно! Он же там рисовал злые лица, и они были злыми, потом их перерисовали, и солдаты стали добрыми. Вот я тогда и стал своих разделять. Потом начал читать более умные книжки. Помню, прочитал биографию Наполеона, когда мне было лет

девять, и очень увлёкся. Там всё было очень круто написано: как он строил свою империю, как министров назначал... У меня тоже появились министры, появилось первое правительство, появился плохой диктатор, против которого воевало в горах (на шкафу) так называемое сопротивление.

Я приходил из школы и погружался в этот свой параллельный мир, который для меня закрывал вообще всё на свете. Это потихоньку начиналось, а потом я уже не гулял, нигде не ходил... У меня в посёлке был один-единственный лучший друг, я его попытался привлечь, но понял, что ощущение такое, что кованым сапогом в построенный тобою мир кто-то вошёл. В итоге я не смог его к себе пустить, и он сам себе дома сделал такую же штуку. Правда, недолго продержался – для него это было наносное, а у меня – внутреннее.

Это был конкретный побег от реальности. Я совершенно терял ощущение времени, когда этим занимался. Потихоньку меня затягивало всё больше и больше. В Магадан я это всё с собой привёз. В отличие от поселковой школы, где у нас были какие-то отношения в классе, там не сложилось, как я уже говорил. Я как-то сразу не нашёл душевного контакта ни с кем и окончательно отделился от мира.

Плюс там я уже писал летопись. У меня в этой придуманной стране уже были экономические какие-то программы, бюджет, валюта, банки... Олимпийские игры я проводил, был чемпионат по футболу регулярный. Насыщенная жизнь, короче.

В 15 лет я прочитал «Капитал» Маркса и начал применять всякие моменты диалектические – буржуи у меня появились, пролетариат. Завод я построил из коричневого пластилина. Очень, кстати, круто смотрелось: у меня был замок, где жила знать, и был завод, где работали пролетарии. А ещё я построил себе шахту из разноцветного пластилина – это были слои породы горной. Внутри я наткал бисера – это были всякие драгоценности, самоцветы. И потом я начал эту гору разрабатывать. Стал её взрывать, устанавливал штольни – такой увлекающийся был, делал всё основательно.

Я помню, как однажды заболел. Несерьёзно, но чуть-чуть добавил себе на градуснике температуры, прислонив его к лампочке. Показал маме, она: «Елы-палы, ну-ка сиди дома!» Я никуда не пошёл и весь день провёл в своей стране.

Первомайская демонстрация, 1987 год

Я вообще тогда вылезал в мир, только чтобы в школу сходить. Правда, после неё у меня была ещё волейбольная секция. Странное название, потому что мы там играли во всё что угодно – баскетбол, футбол... Всё остальное время я проводил дома: либо книжки читал, либо в стране своей воображаемой чем-то занимался.

Юлия Ивановна, мама Саши: Мы абсолютно не задумывались над тем, как он проводит время. Моего мужа Мишу мать воспитывала на книгах, чтобы он во дворе не связался с какими-нибудь компаниями. У нас тоже было много книг, но, конечно, мы вырвали его из той компании, что была на Оле. Ну а что сделаешь? Ничего не сделаешь. Надо было отправить его в другую школу, но об этом мы тоже не подумали. Эта была в новом районе, в домах по соседству получили квартиры те, кто раньше жил в бараках. Поэтому она была неблагополучной. Там его спихнули с лестницы, он потом полтора месяца был в гипсе...

Нам и в голову не приходило, что может быть по-другому. Мы росли сами по себе и так же росли наши дети. Это, наверное, минус. Сейчас всё по-другому. Мы тогда считали, что воспитанием занимается государство, и доверяли ему. А любовь – это было стыдное дело в наше время.

Настольный хоккей и стратегия в тетрадке

Когда мне было лет 15, года за два до окончания школы, у нас с пацанами появилось одно общее развлечение. Мы играли в настольный хоккей. Какая-то компания сложилась в моём дворе. Четыре человека взяли себе по сборной. Я почему-то выбрал команду Франции, один парень был за СССР, один – за шведов, один – за финнов. И вот мы вчетвером разыгрывали чемпионаты по настольному хоккею. Проводили домашние и выездные матчи, когда играли шайбой хозяина на его площадке. Год так соревновались, какое-то время было равенство, потом я начал постоянно побеждать и выиграл чемпионатов 15 подряд. Тешил таким образом своё самолюбие. У мамы где-то должны лежать тетрадки с таблицами, я их сам вёл.

А ещё классе в восьмом-девятом я придумал так называемую экономическую игру. Насколько сейчас понимаю, это прообраз компьютерной стратегии, где ты берёшь какое-то государство и развиваешь его с нуля. У тебя есть ресурсы, ты их добываешь, строишь город, появляются люди, у них – свои запросы, которые нужно удовлетворять. Я это делал на бумаге. У меня было несколько толстых тетрадок, где всё было расписано.

Я тогда заинтересовался Первой мировой войной. Брал,

например, 1 июня 1912 года – начало игры. В исторических книжках находил информацию о том, сколько было золота и какие вообще были запасы у Германии, Великобритании, Франции... И начинал их развивать с экономической точки зрения: столько-то заводов есть, они столько-то приносят. У меня всё это записывалось. Даже сейчас я понимаю, что это было реально сложно. Я был полностью в этой теме, и у меня в итоге они все неизбежно пришли к тому, что надо воевать. Германии чего-то не хватало, а другие страны этого не продавали, потому что она не могла им заплатить столько, сколько они хотели. Пришлось Германии на них напасть, потому что иначе у них там кризис начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.